

КРИТИКА ДОКТРИНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА В УЧЕНИИ Р. ИЕРИНГА

Семякин Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: misha2008@uralweb.ru

Рассмотрено влияние трудов Р. Иеринга на развитие частноправовой мысли, трансформация его концептов об исторической школе права, критика учения Савиньи, условия и факторы, влияющие на развитие права, идеи о необходимости борьбы за частное право, трудовая теория собственности, сущность и значение частного права, цель в праве.

Ключевые слова: историческая школа права, критика, частное право, необходимость и значение частного права, частная собственность, борьба за право, нравственное ощущение права, закон, причины развития права, цель в праве

A CRITICAL REVIEW OF THE HISTORICAL SCHOOL OF JURISPRUDENCE DOCTRINE AND THE EVOLUTION OF PRIVATE LAW IDEAS IN THE R. VON JHERING'S TEACHING

Semyakin Mikhail

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: misha2008@uralweb.ru

The influence of the writings of R. von Jhering on the development of the private law thinking, the transformation of his concepts of the historical school of law, criticism of the doctrine of Savigny, the conditions and factors influencing the development of the law, the idea of the necessity of the struggle for private law, the labor theory of property, the nature and significance of private law, the purpose of the law are considered.

Key words: historical school of law, criticism, private law, the necessity and value of private law, private property, the struggle for the law, moral sense of the law, the reasons for the development of the law, the purpose of the law

Р. Иеринг – известный немецкий правовед и философ – оказал значительное влияние на развитие теории и философии права, в особенности частного права. Ряд трудов названного ученого получили достаточно широкую известность, в том числе такие его сочинения, как «Борьба за право», «Дух римского права на различных ступенях его развития», «Цель в праве» и др.

Изначально Р. Иеринг разделял идеи исторической школы права, однако со временем он занял критическую, а в ряде случаев жесткую позицию по отношению к «Савиньи-Пухтовской теории происхождения права». Р. Иеринг сетовал на то, что согласно этой теории «образование права происходит также незаметно и безболезненно, само собою, как образование языка; оно не требует никаких усилий, никаких исканий, а является неслышно действующей силой правды, без насильственного, медленно, но верно пробивающей себе дорогу, – силой убеждения, которому посте-

пенно подчиняются умы, выражающие его в действиях. Новое правовое положение также без труда входит в жизнь, как и любое правило языка»¹.

Эту мысль Р. Иеринг продемонстрировал на примере из древнеримского права. Правовое установление о том, что веритель мог продать неплатежеспособного должника как раба в иноземное рабство или что собственник мог оспаривать свою вещь у каждого, у кого он ее находил, возникло, замечал Р. Иеринг, «согласно этому воззрению, в древнем Риме совершенно таким же путем как и правило о том, что *sit* (курсив автора. – М. С.) управляет творительным падежом». «Это тот взгляд, – восклицал Р. Иеринг, – под влиянием которого я и сам в свое время находился в течение многих лет»².

Рассуждая далее по указанной проблеме, Р. Иеринг ставил вопрос: может ли этот взгляд считаться правильным? Ученый считал, что «нельзя не признать, что и право, так же как и язык, знает произвольное и бессознательное... – органическое, – развитие изнутри». Сюда, по мнению Р. Иеринга, относятся все те правовые положения, которые образуются постепенно в обороте из однообразного автономного совершения правовых сделок, а также все те абстракции, следствия, правила, которые наука выводит путем анализа из существующего права, «возведя их на ступень сознательности»³.

Однако сила обоих этих факторов: «оборота» и «науки», – по мысли автора, ограничена; «она может регулировать движение, содействовать ему внутри проторенных уже путей, но она не в состоянии прорвать плотины, мешающие потоку пойти по новому направлению». Это может сделать, полагал Р. Иеринг, только закон, т. е. намеренное, направленное к данной цели действие государственной власти. «Поэтому не случайностью, а имеющей глубокое основание в существе права необходимостью является то обстоятельство, что все основные реформы как материального, так и процессуального права осуществляются путем закона»⁴.

При этом ученый обращал внимание на то, что в право могут быть внесены как отдельные, частичные изменения общего (абстрактного) характера, не затрагивающие конкретных отношений, так и изменения, влекущие «чрезвычайно чувствительное вторжение в область существующих прав и частных интересов». В последнем случае существующее право нельзя устранить, не нарушив «самым чувствительным образом» интересы тысяч индивидов и целых сословий⁵. Всякая подобная попытка, замечал ученый, вызывает «как естественное проявление инстинкта самосохранения, сильнейшее сопротивление со стороны угрожаемых интересов и вместе с тем – борьбу, в которой... перевес дает не вескость оснований, а соотношение противостоящих друг другу сил»⁶.

Отсюда Р. Иеринг делал вывод: «Только этим объясняется то, что учреждения, уже давно осужденные общественным приговором, часто в течение долгого еще времени сохраняют свое существование; их поддерживает не сила исторической устойчивости, а сила сопротивления защищающих их интересов»⁷. Все великие приобретения, которые должны быть отмечены в истории права: уничтожение рабства, крепостного

¹ Иеринг Р. Борьба за право / пер. с нем. В. И. Лойко. СПб., 1912. С. 17.

² Там же.

³ Там же. С. 17–18.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

состояния, свободной земельной собственности, промыслов и многое другое – все это, по мысли Р. Иеринга, должно быть завоевано посредством упорнейшей борьбы, продолжающейся зачастую в течение столетий.

Таким образом, заключал ученый, право в своем историческом движении представляет картину «искания, усилий, борьбы». Право «как целевое понятие, будучи поставлено среди хаотического вихря человеческих целей, стремлений, интересов, должно непрестанно идти ощупью и искать правильного пути и, найдя его, должно ниспровергнуть препятствие, заграждающее ему этот путь»¹.

Р. Иеринг критиковал и отвергал «выставленную Савиньи и столь быстро добившуюся общего признания параллель между правом, с одной стороны, и языком и искусством – с другой»². Развитие права, по мысли Р. Иеринга, «совершенно также как развитие искусства и языка, является закономерным, единым, но оно очень отличается от последнего по своему способу и по форме, в которой оно проявляется»³. Теорию Савиньи Р. Иеринг называл «ложной, но безопасной». Однако «в качестве политического принципа» она является «одним из опаснейших лжеучений», поскольку там, «где человек должен действовать и притом действовать с полным, ясным сознанием цели и с напряжением всех своих сил, она утешает его тем, что дело делается само собою...». «Отсюда, – заключал Р. Иеринг, – враждебность Савиньи и всех его последователей по отношению к вмешательству законодательства, отсюда – совершенное отрицание истинного значения обычая в пухтовской теории обычного права»⁴.

Р. Иеринг называл историческую школу права «романтической», покоящейся «на ложной идеализации прошлого», на том, что «право образуется безболезненно, без усилий, без деятельности, подобно полевому растению; грубая действительность учит нас противоположному»⁵. Борьба за право происходит во всех сферах права: «в низинах частного права так же, как и на высотах права государственного и международного»⁶.

Особо Р. Иеринг говорил о борьбе за частное право: «Если я из всех этих форм беру самую спокойную: легальную борьбу за частное право... то объясняется это не тем, что мне, как юристу, она ближе всего, а тем, что при этой форме истинное положение дела более всего подвержено опасности не встретить признания – одинаково, как со стороны юристов, так и со стороны профанов»⁷.

Развивая далее эту мысль, Р. Иеринг показывал специфику частноправовой жизни, где юридическая форма («мое и твое») фетишизирует материальные блага, за которыми скрываются в действительности глубинные, сущностные отношения, характеризующие гражданскую позицию индивида, уровень его социализации, его нравственные и духовные качества. В частноправовой борьбе (по сравнению с иными сферами права. – М. С.), подчеркивал Р. Иеринг, «дело обстоит совершенно иначе». «Относительная незначительность интересов, из-за которых она происходит: обыкновенно – вопрос о моем и твоем, непроходимая проза, облакающая этот вопрос, уводит эту борьбу... исключительно в область трезвого расчета и житейских сообра-

¹ Иеринг Р. Борьба за право. С. 19.

² Там же. С. 19–20.

³ Там же. С. 19.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же.

жений, а формы, в которых она движется... исключение всякого свободного, сильно-го проявления личности не могут ослабить это неблагоприятное впечатление»¹.

Конечно, замечал Р. Иеринг, и в борьбе за частное право было время, когда в ней активно выступала личность и проявлялось «истинное значение» этой борьбы, когда еще «меч решал спор о моем и твоём», «тогда и не участвовавший в деле мог догадаться, что в этой борьбе дело идет не только о стоимости вещи, об устранении денежного ущерба, но что в вещи личность утверждает и защищает самое себя, свое право и свою честь»². В процессах, в которых истцу приходится защищать себя от «обидного презрения к его праву», дело идет «не о ничтожности объекта спора, а об идеальной цели: утверждении самой личности и ее правового чувства»³.

По мысли ученого, каждый институт права содержит «особенное физическое или нравственное условие существования: будет ли это собственность или брак, договор или честь – отречение от одного из них в правовом смысле поэтому также невозможно, как отречение от всего права в целом»⁴. Р. Иеринг право тесно связывал с нравственным ощущением. Он допускал такую мысль, что народ не знает «о праве собственности, обязательстве как нравственных условиях существования личности», но он (народ. – М. С.) «чувствует их как таковые». «Чувствительность в отношении собственности, настоящее чувство собственности есть, – по Р. Иерингу, – не стремление к наживе, погоня за деньгами и имущественными благами, а то мужественное чувство собственника... защищающего свою собственность не потому, что она представляет ценность, а потому, что она является его собственностью...»⁵

Приведенные мысли Р. Иеринга, как представляется, особо актуальны применительно к отечественной частноправовой жизни, когда основной целью и «смыслом» жизни для части граждан становится завладение собственностью «любой ценой» с тем, чтобы в дальнейшем использовать ее исключительно для своего обогащения и наживы.

Развивая далее приведенные мысли, Р. Иеринг ставил вопрос: что общего имеет вещь, являющаяся моею, с моею личностью? Отвечая на него, он замечал, что вещь служит средством поддержания жизни, приобретения, наслаждения; но подобно тому, как погоня за деньгами не составляет нравственной обязанности, так не может быть ее и в том, чтобы из-за пустяков начинать процесс, стоящий денег и времени. Единственный мотив, как полагал ученый, которым должно руководствоваться при правовой защите имущества, – «мой интерес, – процесс о моем и твоём есть вопрос чистого интереса»⁶.

В своих воззрениях Р. Иеринг придерживался трудовой теории собственности: «Исторический источник и нравственное оправдание собственности – труд». Он признавал «право на продукт труда не только за самим работником, но и за его наследниками», поэтому «в наследственном праве» видел «необходимое следствие трудового принципа». «Только благодаря постоянной связи с трудом собственность может оставаться свежей и здоровой, только в этом своем источнике... обнаруживается с совершенной ясностью и прозрачностью ее значение для человека»⁷.

¹ Иеринг Р. Борьба за право. С. 22–23.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 34.

Ученый резко осуждал «не основанное на труде приобретение», «биржевые игры» и «мошеннические акционерные предприятия». В том месте, «где исчезли все остатки нравственной идеи собственности, конечно, не может быть больше и речи о чувстве нравственной обязанности защищать ее; о чувстве собственности в том виде, как оно живет в каждом...», а «коммунизм расцветает только в том болоте, в котором идея собственности совершенно исчезла; у ее источника он неизвестен»¹.

Категорию собственности Р. Иеринг понимал с широких нравственно-личностных позиций. Как полагал названный правовед, связь между вещью и индивидом устанавливается по воле последнего: «...моя воля устанавливает связь между нею (вещью. – М. С.) и мною, и при том – лишь ценою предшествующего моего собственного или чужого труда...»² По мысли Р. Иеринга, сделав вещь своею, «я наложил на нее печать своей личности; удар, направленный на нее, задевает меня самого, так как я в ней присутствую, – собственность есть лишь расширенная посредством вещей периферия моей личности»³.

Эта зависимость между правом и личностью, считал ученый, «сообщает всем правам какого бы рода они ни были, ту неизменную ценность», которую «в противоположность чисто материальной ценности» Р. Иеринг называл «идеальной ценностью»⁴.

Исходя из этого, он делал вывод о том, что «право есть нравственное жизненное условие личности»⁵. С широких, философско-правовых, позиций указанная мысль представляется, по существу, верной, хотя, конечно, если говорить о праве в таком ракурсе, то право – лишь одно из «нравственных жизненных условий личности», которое имеет свою специфику по сравнению с другими подобными «условиями»: моралью, нравственностью, культурой, религией и т. п.

Сущность права, по мысли Р. Иеринга, «есть практическое осуществление». «Правовая норма, которая никогда не осуществлялась или переставшая осуществляться, больше не имеет никакого права на это наименование»⁶. Ученый сравнивал ее с «ослабленной пружинкой в механизме права, которая не работает» и «которую можно вынуть, не вызывая ни малейших изменений»⁷. Причем это положение «приложимо» без всяких ограничений «ко всем частям права», в том числе к частному праву.

Однако если осуществление публичного права «приняло форму обязанности государственных учреждений», то «правовое осуществление частного права приняло форму *права частных лиц*, т. е. предоставлено исключительно их инициативе и самостоятельности»⁸. В первом случае, замечал ученый, правовое осуществление закона зависит от того, что публичные учреждения и служащие государства исполняют свою обязанность, а во втором – «от того, что частные лица осуществляют свое право». Если последние в течение продолжительного времени «и в виде общего правила оставляют его в бездействии в каком-нибудь отношении», «то правовое положение фактически теряет свою силу»⁹.

¹ Иеринг Р. Борьба за право. С. 35.

² Там же. С. 37.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 39.

⁶ Там же. С. 41–42.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Резюмируя эти мысли, ученый писал, что «действительность, практическая сила положений частного права проявляется в осуществлении конкретных прав, которые получая, с одной стороны, свою жизнь от закона, с другой стороны, возвращают ему эту жизнь»¹. Отношение объективного, или абстрактного, права и субъективных конкретных прав Р. Иеринг сравнивал с кровообращением: «Кровь от сердца течет и к сердцу возвращается».

Вопрос об осуществлении частноправовых положений сводится «к действительности тех мотивов, которые побуждают управомоченного отстаивать свое право, т. е. к силе его интереса и его правового чувства»; если последнее «слабо и притуплено», а интерес «недостаточно силен», то «правовое положение не получает применения»². В области частного права также происходит борьба права против «неправа», общая борьба всей нации, когда «все должны крепко держаться вместе»³.

При осуществлении защиты частных прав Р. Иеринг усматривал нечто значительно большее, чем просто отстаивание своих субъективных прав: «Если хозяин не решается больше требовать применения правил о найме прислуги, если веритель не решается больше накладывать запрещение на имущество должника, а покупатель – настаивать на точном весе и соблюдении таксы, то этим не только ставится в опасность идеальный авторитет закона, но и наносится удар реальному порядку гражданской жизни, и трудно сказать, как далеко могут простираться вредные последствия этого...»⁴ По мнению названного автора, в результате этого может подрываться даже «вся кредитная система».

Кроме того, пренебрежение частными правами, предание их забвению, подавление частноправового «чувства» может, по мысли Р. Иеринга, повлечь за собой и другие, более тяжелые, последствия, касающиеся политических, конституционных прав народа. «Если правовое чувство отдельных лиц в отношениях частного права оказывается притупленным... апатичным; если оно не находит простора для своего свободного и сильного расцвета вследствие препятствий, которые ставят ему несправедливые законы или плохие учреждения...», то такое поработанное, апатичное правовое чувство не может внезапно воспрянуть «до степени живой восприимчивости» и не способно «к энергичному действию» и в случае, когда речь идет о посягательстве на «политическую свободу народа» или «уничтожении его конституции»⁵.

Действительно, приведенные мысли ученого представляются совершенно справедливыми и достаточно живо перекликаются с нашим временем, когда нередко «несправедливые законы или плохие учреждения» подавляют у граждан «частноправовые чувства», создают препятствия для осуществления ими своих прав и законных интересов, удовлетворения их жизненных потребностей, что, безусловно, влечет массу негативных последствий экономического, правового, социального и иного характера, в том числе «апатию» к политическим, конституционным правам и свободам людей.

Не случайно в противодействии указанным негативным явлениям социальной действительности основную роль призвано сыграть, по мысли Р. Иеринга, именно частное право. Как полагал ученый, «борец за государственное и международное

¹ Иеринг Р. Борьба за право. С. 42.

² Там же.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 53–54.

право – это не кто иной, как борец за частное право: те же свойства, которые он приобрел в отношении последнего (частного права. – М. С.), сопутствуют ему также в борьбе за гражданскую свободу... – что посеяно в частном праве, то приносит свои плоды в государственном и международном праве»¹.

Развивая далее эти мысли, ученый обращал особое внимание на то, какие громадные силы и духовный, нравственный «капитал» содержит в себе частное право. «В низинах *частного права* (здесь и далее курсив мой. – М. С.), – подчеркивал Р. Иеринг, – в маленьких и мельчайших отношениях жизни должна капля по капле образовываться и собираться та сила, должен накапливаться тот нравственный капитал, в котором нуждается государство, чтобы иметь возможность в широких размерах осуществлять свои цели». И далее: «*Частное*, а не государственное право является истинной школой политического воспитания народов, и если хотят знать, как данный народ будет в случае необходимости защищать свои политические права и свое международное положение, то следует посмотреть, как отдельный его представитель отстаивает в *частной жизни* свое собственное право»².

В подтверждение приведенных мыслей Р. Иеринг обращал внимание на римский народ, который во внутренней жизни отличался «высшим политическим развитием», а во внешней – «величайшим» и «обладал в то же время наиболее разработанным *частным правом*»³.

Думается, указанные идеи не только интересны в гносеологическом (познавательном) отношении, но и имеют большое методологическое значение в социально-политической сфере, в том числе в правоведении. У нас принято считать, что важнейшее (центральное) место в праве занимает конституционное право (ранее – государственное право) и все иные отрасли, в том числе частное право, «генетически» зависимы от конституционного (государственного) права и призваны развивать, конкретизировать его положения применительно к тем или иным специфическим социальным сферам. Этим предопределяется служебная (вспомогательная) социальная роль всех иных отраслей права по отношению к конституционному праву, носящему основополагающий характер.

Как представляется, такой взгляд является «однолинейным» и уже хотя бы по этому недостаточно корректным, не отражающим действительного потенциала частного права, а следовательно, и его значения в системе нашего права, в обыденной жизни людей. При этом следует особо подчеркнуть один сугубо юридический момент: конституционно-правовые установления, безусловно, имеют высшую юридическую силу, все иные нормы, в том числе частного права, должны учитывать их содержание и смысл и не противоречить им. Вместе с тем думается, что действительная (подлинная) сила конституционных установлений определяется в конечном счете не физической силой государства, его различных институтов, а тем частноправовым настроением (духом) большинства людей в их обыденной жизни, или, по словам Р. Иеринга, тем, «что посеяно в частном праве». Именно это «приносит свои плоды» и в государственном праве. Именно в частноправовой сфере накапливается тот нравственный (духовный) «капитал», который обуславливает действенность и эффективность конституционно-правовых установлений, их реальную жизненную силу, а значит, и отношение к ним простых граждан.

¹ Иеринг Р. Борьба за право. С. 54.

² Там же.

³ Там же.

Отсюда, как представляется, следует вывод: в сугубо юридическом смысле конституционно-правовые установления, безусловно, задают общий юридический тон (юридический настрой) для всех иных правовых образований, в том числе для частного права, однако с широких (социально-политических и правовых) позиций именно частное право выступает в качестве той основы (социально-правовой почвы), на которую опирается конституционное право, откуда оно черпает свою жизненную силу, «юридическую энергию» и правовую поддержку граждан.

В другом знаменитом труде – «Дух римского права на различных ступенях его развития» – Р. Иеринг критически осмысливал ряд важнейших теоретических проблем, в том числе свое отношение к исторической школе права. Данное исследование носит, по сути, философско-правовой характер, на что указывает и сам автор в предисловии ко второму изданию сочинения, где пишет, что «задача принадлежит скорее философии и догматике права».

Критикуя идеи Савиньи, в частности, за то, что он полагал, что содержание права дано всем «прошедшим нации, а не произволом» и что оно вышло из «внутренней сущности нации и из ее истории», Р. Иеринг указывал на то, что данное учение «делает, безусловно, невозможным правильное историко-философское понимание права»¹.

Рассматривая сущность учения исторической школы права, Р. Иеринг задавался вопросом: какую связь имеет римское право с совокупностью прошедших новых народов, их внутренней сущностью и историей? В связи с этим ученый замечал, что «оно (римское право. – М. С.) является пришельцем, не имеющим за собой никакого законного основания, удаления которого никто, вследствие этого, не должен был бы желать более ревностно, нежели Савиньи и историческая школа. Но именно они-то и взяли его под свою защиту, когда с точки зрения национальности потребовано было, чтобы оно наконец было изгнано»².

Анализируя данную проблему, Р. Иеринг пришел к выводу о том, что национальной идеей права невозможно объяснить широкое распространение римского права, его рецепцию в ряде европейских стран. «Пока историческое направление, – заявлял ученый, – выставляет идею национальности права, как исключительно верную и руководящую, противоречие, в котором находится его учение с усвоением римского права, останется вечно неразрешимым – через дверь национальности римское право никогда не войдет в нашу науку»³.

Развивая эти мысли далее, Р. Иеринг обосновывал идею «всеобщности права», его обусловленности общими, глубинными моментами, характерными для развития многих народов, не отвергая при этом и принцип национальности, т. е. сочетание национального и интернационального. Поэтому «направление исторической школы с ее односторонним превозношением принципа национальности противоречило направлению новейшего правового развития». И далее: «Пока наука не решится поставить принцип всеобщности наравне с принципом национальности, до тех пор она не будет в состоянии ни понять того мира, в котором она сама живет, ни обосновать научным образом уже совершившееся усвоение римского права»⁴.

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1 / пер. с 3-го, испр. нем. изд. СПб., 1875. С. 12.

² Там же.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 18–19.

Р. Иеринг очень высоко оценивал феномен римского частного права, возводя его до уровня культурного элемента современного ему мира. Роль и значение римского права, по мысли ученого, далеко не могут ограничиваться теми правовыми установлениями, которые мы восприняли из римского права. В связи с этим ученый замечал, что «римское право, так же, как и христианство, и греческая и римская литература и искусство, сделалось культурным элементом нового мира, влияние которого отнюдь не ограничивается теми учреждениями, которые мы заимствовали из римского права»¹.

Любопытно как в гносеологическом, так и в методологическом отношении сочинение Р. Иеринга «Цель в праве» (1881). Данный труд носит философско-правовой характер, для подтверждения своих мыслей автор использовал различный материал из частноправовой жизни людей, поэтому сочинение представляет значительный интерес не только общетеоретический, но и с позиций частного права.

Основной идеей, которую развивал Р. Иеринг в этом произведении, является мысль об «абсолютной необходимости цели» или даже о «целевом законе». По мысли Р. Иеринга, «всякая причина, по которой совершается деяние, превратима в цель», а несколько ниже автор более категорично утверждал, что «всякая причина по существу своему есть цель»².

Ученый объяснял эту идею тем, что индивид, совершая те или иные действия, всегда стремится к достижению определенной цели. Как полагал Р. Иеринг, следование действующим законам со стороны большинства людей совершается часто по привычке, без всякого размышления; «вопрос „почему“ люди разрешают обыкновенно со всей ясностью тогда, когда впадают в искушение нарушить закон, причем, подвергнув себя точному исследованию, могут открыть скрывающуюся за каждым таким вопросом „почему“ какую-либо цель»³. Первоначально, по мысли ученого, более или менее осознаваемая и осязаемая цель вызывала в отдельном лице известный образ действия, однако частое повторение такого образа действия, совершаемого из одних и тех же побуждений и с одинаковой целью, «слило до такой степени в одну цель с деянием, что первая перестала являться осязательным для сознания моментом волевого процесса»⁴. Движение же воли без цели, как ранее заявлял ученый, «мало возможно»⁵.

Установление связи воли с целью является посредствующим звеном при переходе от причины, по которой воля приходит в движение, к цели. «Двигателем» же этой силы выступает цель, за которой скрывается человек и даже человечество, история.

Развивая далее свои суждения о цели, Р. Иеринг замечал, что лицо признает в вещи средство, пригодное для достижения своих целей; «тем самым лицо придает вещи в виде ее назначения, в виде ее цели... именно те качества, которые оно от нее требует»⁶. В связи с этим Р. Иеринг обосновывал мысль о том, что лицо достигает своих целей посредством вещей и поэтому расширение диапазона человеческих целей обуславливает такой же результат и относительно вещей. «Цели вещей суть не что иное, как цели лица, которых оно достигает посредством этих вещей, – рас-

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 20–21.

² Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же. С. 55.

ширение горизонта человеческих целей указывает на тот же факт и относительно вещей»¹.

Приведенные мысли Р. Иеринг демонстрировал на примере договора мены: «Договор мены предоставляет каждой стороне то, что для ее целей относительно пригоднее, чем уже принадлежащее ей; поэтому с точки зрения лица договор этот может быть рассматриваем как акт экономического самоподдержания, а следовательно, менового оборота», формой которого «является договор»².

Рассуждая по этой проблеме далее, Р. Иеринг отмечал, что посредством передачи проданной вещи за условленную цену оба, и покупатель, и продавец, достигают того, что они поставили себе целью. Они констатируют посредством договора это совпадение интересов, но оно является для участвующих в договоре лиц не предметом «теоретического разумления», не результатом сознания зависимости их обоюдных спекуляций от стечения одних и тех же обстоятельств, а практической целью кооперации, ради которой они соединились³.

К проблеме, касающейся обязательной силы договора, Р. Иеринг подходил с позиции отстаиваемой им «идеи о цели». По мысли ученого, признание обязательной силы договора с точки зрения «идеи о цели» «есть не что иное, как ограждение первоначальной цели от вредного влияния последующего разъединения интересов или изменения, происшедшего в оценке их одною из сторон, или другими словами: правовое для договора безразличие изменения интересов»⁴.

С позиции «идеи о цели» Р. Иеринг рассматривал и проблему, касающуюся «необходимости права». Рассуждая по этому поводу, ученый отмечал, что лицо, т. е. цель его физического самосохранения, создало имущество, т. е. цель правильного и обеспеченного осуществления указанной первой цели. Лицо и имущество в свою очередь обуславливают «необходимость права», «т. е. ограждения их обоюдных целей, – которые без права зависели бы от одной физической силы субъекта... а именно государственной власти. Поэтому понятие о праве заключает в себе два момента: систему целей и систему их осуществления. Подобно тому, как лицо и имущество необходимо вызывают собою право, так последнее неминуемо приводит к государству...»⁵.

С точки зрения «идеи о цели» Р. Иеринг рассматривал понятие «взаимных связей»: «от лица к имуществу, от них обоих к праву, от права к государству» и затем «к договору и к обороту (экономическому. – М. С.)»⁶. Причем в этом развитии «целевой идеи» не может быть остановки, пока оно не достигнет своей «высшей точки». Однако где находится эта «высшая точка» – в соединении с Божественной идеей или в достижении органического сочетания нравственного, морального и физического (физиологического) удовлетворения различных потребностей человека, – ученый, к сожалению, не говорил.

В порядке краткого резюме по рассматриваемым проблемам можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в начале своей творческой деятельности Р. Иеринг находился на идейных позициях исторической школы права, однако в дальнейшем он переосмыслил

¹ Иеринг Р. Цель в праве. С. 55

² Там же.

³ Там же. С. 56–57.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 57–58.

⁶ Там же. С. 59.

данное учение и высказывал в отношении него критическую точку зрения как «одного из опаснейших лжеучений» за то, что оно образование права связывало с естественным историческим развитием нации, ее культуры, языка.

Во-вторых, Р. Иеринг показал подлинное значение и роль частного права, связывая его с «нравственным ощущением» людей, институты которого содержат «особенное физическое или нравственное условие их существования». Частное право он также идентифицировал с жизнью людей, их насущными интересами, а защиту последних рассматривал как «отстаивание чести и достоинства человека», его правового «чувства». Пренебрежение частными правами, подавление частноправового «чувства» может повлечь за собой тяжкие последствия, в том числе касающиеся конституционных прав народа.

В-третьих, сущность права, в первую очередь частного, Р. Иеринг связывал с его практическим осуществлением. Особенность осуществления частного права ученый усматривал в том, что оно принимает «форму права частных лиц», т. е. «предоставлено исключительно их инициативе и самодеятельности».

В-четвертых, Р. Иеринг придерживался известной трудовой теории собственности, а в качестве нравственного ее оправдания усматривал труд. И только в этом источнике (труде) он видел с «совершенной ясностью и прозрачностью» ее значение для человека. Собственность он понимал с широких нравственно-личностных позиций, не допуская возможность ее использования для частной наживы и несправедливого обогащения.

В-пятых, в своем учении Р. Иеринг развивал идеи об «абсолютной необходимости цели» или даже о «целевом законе». С этих позиций ученый рассматривал проблемы, касающиеся «необходимости права»; обязательной силы договора; осуществления воли лица, которая неразрывно связана с целью; связей между вещами, правом и государством, развитие которых (связей) должно осуществляться «бесконечно», пока оно не достигнет «высшей точки».

В-шестых, учение Р. Иеринга имеет большое не только гносеологическое, но и методологическое значение, исходя из чего делаем вывод о «многоаспектности» соотношения частного права с публичным правом (конституционным правом), в рамках которого (соотношения) один из аспектов указанной связи частного права выражается в том, что оно рассматривается как та социально-правовая основа, на которую опирается публичное право, откуда оно «черпает» свою действительную жизненную силу и правовую поддержку граждан.

Библиография

Иеринг Р. Борьба за право / пер. с нем. В. И. Лойко. СПб., 1912.

Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1 / пер. с 3-го, испр. нем. изд. СПб., 1875.

Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881.

Bibliography

Iering R. Bor'ba za pravo / per. s nem. V. I. Lojko. SPb., 1912.

Iering R. Dux rimskogo prava na razlichnyx stupenyax ego razvitiya. Ch. 1 / per. s 3-go, ispr. nem. izd. SPb., 1875.

Iering R. Cel' v prave. SPb., 1881.